

Крыленко Николай Васильевич

За пять лет 1918 - 1922 гг

**Обвинительные речи по наиболее
крупным процессам, заслушанным в
Московском и Верховном
революционных трибуналах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич К.**
За пять лет 1918 - 1922 гг: Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслушанным в Московском и Верховном революционных трибуналах / Крыленко Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 530 с.

ISBN 978-5-519-91326-3

ISBN 978-5-519-91326-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Наконец, предлагаемый сборник не может претендовать на исчерпывающую полноту по своему содержанию еще и по той причине, что ряд крупнейших процессов, в особенности относившихся к самому начальному периоду деятельности Революционных Трибуналов, прошел вовсе без стенограммы и таким образом канул в Лету. К такого рода процессам относится первый процесс в Верховном Трибунале по делу адмирала Щастного, по делу 14-ти провокаторов Московской Охранки, по делу мятежа левых эс-эров и, наконец, один из самых крупных и самых интересных по своему фактическому и уликовому содержанию и по своему историческому и политическому значению процесс английского посла Локкарта и его русских шпионов Каламатьяно, Фриде и других. В этом процессе, проходившем при участии 16-ти крупнейших защитников, представителей буржуазной адвокатуры во главе с Н. К. Муравьевым, отразилось в прениях сторон содержание всей нашей политической борьбы в 1918 г. Стенограммы этого процесса нет, и поэтому от включения его в сборник пришлось отказаться.

Тем не менее то, что имелось, приведено в порядок и подобрано с возможной тщательностью.

Все вошедшие в сборник речи можно разбить на три основные категории: речи по политическим процессам, речи по процессам, имевшим отношение к борьбе с экономической разрухой, и третья категория, которую можно было бы озаглавить «разное», куда вошли все процессы, не имевшие прямого отношения ни к той, ни к другой категории, но тем не менее достаточно крупные по своему общественному содержанию, чтобы можно было пройти мимо них.

К первой категории относятся: речь по делу быв. старшего надзирателя каторжной тюрьмы (Бутырок) Бондаря; речь по делу редактора «Русских Ведомостей» Егорова; дело контр-революционной организации, так называемого «Тактического Центра»; дело быв. обер-прокурора Святейшего Синода Самарина; дело провокатора Малиновского и дело Центрального Комитета партии правых эс-эров и дело царского прокурора Виппера.

Ко второй категории относятся: дело Главтопа, относящееся к эпохе так называемого планового хозяйства, и дело Ривоша (парафиновое дело), относящееся уже к эпохе НЭП'а.

К третьей категории относятся: дело о самоубийстве инженера Московского водопровода Ольденборгера; дело об убийстве членов Центрального Комитета Финской Коммунистической партии; дело по обвинению 3-х следователей Московского Трибунала в вымогательстве и дело ответственного работника ВЧК Косарева по обвинению в том же.

Из дел первой группы, дело Бондаря включено в сборник лишь постольку, поскольку в самом факте привлечения Бондаря к ответственности отразился принцип, совершенно непонятный деятелям прежней юстиции о праве наших судов, привлекать к ответственности лиц за действия, совершенные ими до утверждения Советской власти. Еще более резко тот же принцип выражен в факте привлечения к ответственности Малиновского. Дело Бондаря, по существу маленькое и незначительное, интересно, однако, как одно из первых дел Московского Трибунала за период 1918 г. Оно отражает в себе в самой постановке обвинения и его исходных пунктах именно этот особый подход к самому факту. Бондарь обвиняется в истязании политических заключенных, в издевательствах над ними и одновременно дается его личная характеристика, как человека, готового ужиться с каждой властью и держаться под ключом с одинаковой ревностью всех, кого бы ни посадили в тюрьму сменяющиеся в вихре развития событий власти. Процесс рисует принципиальное отношение Советской власти к людям типа Бондаря. Суровый приговор Трибунала—9 лет тюрьмы за 9 лет службы Бондаря—показывает принципиальную позицию суда.

Дело редактора «Русских Ведомостей» помещено в сборник, как представляющее исключительный интерес по своему бытовому и политическому содержанию. Сущность его заключается в политическом блоке против Советской власти, заключенном не формально, но фактически между контр-революционером Савинковым и либерально-буржуазной прес-

сой. «Русские Ведомости» поместили статью Савинкова ярко контр-революционного содержания, с повторением клеветы на советских вождей, «продавшихся немцам» и с призывами помочь Дону, поднявшему оружие против Советской власти. На суде редактор «Русских Ведомостей» мотивировал помещение статьи общественно-политическим интересом последней и интересом вообще к мнению такой крупной политической фигуры, как Савинков. Обвинение построено не за клевету, а именно за политический блок буржуазии и Савинкова, т.-е. с таким подходом к вопросу, который не мог бы никогда иметь места в старом суде с точки зрения его формальных законов. Материалы дела чрезвычайно интересны как показатель того своеобразного положения, которое было в 1918 году, когда одновременно на фронтах велась борьба и в то же время в центре Республики свободно печатались статьи, призывавшие к оказанию помощи стороне, воюющей с Советской властью.

Дело «Тактического Центра» является одним из самых крупных политических процессов истекших годов. К сожалению, оно в значительной степени не полно и представляет собой только часть более обширного дела о военном заговоре, с которым непосредственно было связано, ликвидированного ВЧК в порядке внесудебной расправы. Тем не менее по кругу лиц, которые были захвачены процессом (все политические антисоветские партии, начиная от представителей крупно-промышленного капитала и землевладения, организовавшихся еще в период керенщины, и кончая представителями партии меньшевиков и эс-эров), по специальному характеру того слоя, к которому принадлежало большинство привлеченных (так назыв. демократическая и либеральная интеллигенция), по материальной и уликовой стороне процесса и по обрисовке эпохи, к которой относится деятельность обвиняемых (эпоха денкинищины и колчаковщины),—это дело является ценнейшим вкладом в историю нашей революционной борьбы. Будучи заслушано Трибуналом в августе 1920 г., т.-е. в период, когда советские войска победоносно двигались к Варшаве,—дело интересно, сверх того, еще и по позиции, ко-

торую заняли обвиняемые. Это было сплошное самобичевание и раскаяние в совершенных ошибках. Политическая невыдержанность и промежуточная природа интеллигенции, как социальной группы, в этом факте всецело оправдала ту марксистскую оценку интеллигенции, которая всегда давалась ей большевиками.

Дело обер-прокурора Св. Синода Самарина, проф. Кузнецова и др. охватывает совершенно иной мир деятелей, боровшихся с Советской властью в те же года. Наряду с такими крупными личностями, как сам Самарин, на одной скамье с ним сидит пронырливый хамелеон проф. Кузнецов, потомственный алкоголик и дегенерат профессор Рачинский,—и тут же выживший из ума монах Ефрем, полумный Савва, быв. кавалергард монах Иона, московские протоиереи Успенский и Цветков и народные учителя Максимов и др. Все они, руководимые патриархом Тихоном, вели борьбу против Советской власти, используя невежество и темноту народных масс, провоцируя крестьянские бунты и погромы или заходя с заднего крыльца и дискредитируя местных работников Советской власти, путем ложных доносов на них в Совет Народных Комиссаров. Как в высокой степени своеобразное явление нашей революции, этот блок и его политическое содержание были раскрыты Трибуналом с беспощадной ясностью. Как один из интереснейших эпизодов классовой борьбы, этот процесс включен в сборник не только с первой обвинительной речью, но и с репликой на речи защиты, еще более подчеркнувшей политический характер процесса и политическую оценку той «теории заслуг» Самарина в виде его борьбы против Распутина, которой старалась козырнуть защита.

✓ Дело П. К. правых эс-эров (обвинительная речь по которой занимает почти половину всего сборника) заключает этот цикл политических процессов в чистом виде. Говорить о политическом значении этого процесса не приходится. Он подводит итог всей пятилетней борьбе Советской власти и против Советской власти и, как всеохватывающий синтез, включает в себя целый ряд фактов, имен и лиц из процесса

«тактического центра» и других, которые без них оставались бы непонятными.

К этой же группе примыкают еще два процесса:—провокатора, быв. член IV Думы и члена ЦК больш. Машиновского, и дело царского прокурора Виппера, обвинителя по делу Бейлиса.

Дело Машиновского интересно прежде всего, конечно, как исторический документ—развязка одного из трагических эпизодов борьбы пролетариата. Факты, раскрытые на предварительном и судебном следствии, дали такую в буквальном смысле потрясающую картину нравственного маразма предательства и подлости человеческой натуры, и с другой стороны такого же маразма порядков царской охраны, что перед ней бледнеют все фантастические вымыслы Майн-Рида и Понсон-де-Терайля. Другая, наиболее интересная сторона этого процесса—постановка на суде психологической проблемы о мотивах добровольного возвращения Машиновского в Советскую Россию после изобличения его предательства. Автор этих строк, конечно, не претендует, что данный им ответ на эту проблему был совершенно правилен,—однако он и до сих пор настаивает на том, что в условиях, как они были установлены на процессе, другой разгадки едва ли можно дать.

Дело Виппера—процесс, закончивший эпопею Бейлисиады, раскрывает последние карты закулисной инсценировки киевского процесса царской юстицией. Доказывать общественно-политический интерес суммировки этих данных едва ли необходимо.

Вторая группа процессов охватывает только два: процесс Главтота и процесс Ривоша, или так назыв. «парафиновое дело». Оба показательны, как рисующие категории дел и преступлений, с которыми Советской власти приходилось бороться все время самым упорным образом. Оба процесса охватывают с одной стороны так назыв. должностные преступления советских работников, расцветшие в неслыханных размерах на почве классовой борьбы с одной стороны и экономической разрухи с другой,—и преступление дельцов ста-

рого мира, использовавших неумелость и неопытность тех же работников. Процессы характерны потому, что охватывают два принципиально разных периода направлений Советской экономической политики: эпоху, т. наз., «планового» хозяйства и эпоху «Нэпа», в его первый неурегулированный период.

Главтоп был органом, на который возлагалось регулирование распределения топлива во всех его видах. Процесс обнаружил три основных факта—характеризовавшие в эту эпоху деятельность, пожалуй, всех наших Главков: отсутствие на самом деле всякого плана, учет и расчет на основании цифр, взятых с потолка; деятельность «спецов», делавших свою работу с видом знатока и на самом деле либо вовсе не делавших никакой работы, либо делавших ее только для вида, либо с заведомым сознанием ее бесполезности и бесцельности; и, наконец,—грязный клубок злоупотреблений, хищений, взыточничества и воровства, который окутывал и обвивал своими щупальцами и нитями в то время почти всякий из Главков.

Едва ли не самым картинным моментом этого процесса является установленный данными следствия факт посредничества экономиста и журналиста, ответственного работника Внешторга Кауфмана в сделке работника Центросоюза (в то время организации антисоветской по экономическому направлению своей работы) Масленникова со спекулянтом Фридманом, в целях заполучить из Главтопа казенное машинное масло. Фридман получил масло по заявке на бланке Центросоюза, а посредник Кауфман получил за сие 30%. Эпизоды из деятельности другой посредницы Зелениной и жены заместителя председателя коллегии Главтопа Махровского Герды Махровской, картины сделок по выдаче дров инженером Волькенау и другими, картины мытарств рабочих Куракинских фабрик для получения керосина и чудодейственно быстрое получение последнего при помощи частного посредника Жукова,—все это настолько красочно, что процесс Главтопа мы относим по справедливости к тем, чье значение и в историческом, и в политическом, и в бытовом отношении для изучения эпохи не менее важно, чем значение любого из приведенных выше политических процессов.

«Парафиновое дело» относится к эпохе «Нэп».—Чрезвычайно своеобразна судьба этого дела; оно было поставлено в Верховном Трибунале как показательный процесс для острастки только что начинавших торговать, переведенных на «хозрасчет» наших «хозорганов», и для острастки частному капиталу, поднявшему голову в связи с «Нэпом».

Процесс показывает, как вместо того, чтобы «регулировать рынок», наши «хозорганы» с самого же начала превратились в бессильную игрушку в руках того же «рынка». Одновременно процесс раскрывает картины ловкачества со стороны «посредников». Парафин, вещественным доказательством существования которого был ярлычок таможни (пропуск на склад), с быстротой молнии переходит из рук в руки и в течение нескольких дней подымается в цене с 1.000.000 руб. за пуд до 3.000.000, причем, раз будучи выпущен из рук государства, при помощи подлога и мошенничества, попадает в конце-концов в руки Полесского треста, который должен был бы по плану государственной политики явиться его первым покупателем (декрет 27-го октября 1921 года). Как курьез дела обнаружилось, что тот же потребитель, заявивший в конце-концов обо всем в спасительную ВЧК, на свое обращение перед покупкой во Внешторг за справкой о ценах, получил от работников последнего отказ сообщить ему цену под предлогом «коммерческой тайны».—Это ли не издевательство над попытками «регулирования рынка», доказывающее как быстро буржуазная идеология овладела советскими работниками, в обстановке «Нэпа».

Суровый приговор Трибунала однако не был приведен в исполнение; постановлением ВЦИК приговор был отменен и все производство было аннулировано. Мотив был—отсутствие точных регулирующих норм для торговой деятельности в тот момент, отсутствие злой воли со стороны деятелей хозорганов и потому уголовная ненаказуемость их деяний. В первый раз в этом постановлении Советская власть стала на точку зрения, резко противоположную всей до тех пор проводившейся судебной политике и руководящим взглядом суда. Результаты быстро сказались. Уже к концу 1922 года

(процесс слушался в начале 1921 года около мая месяца) целым рядом постановлений и декретов Советской власти ограничила посредничество, запретила безалаберную торговлю наших органов всем, чем попало, т.-е. пошла по пути, предугазанному процессом. Исторически это означало, что в момент процесса еще не все отчетливо сознавали, что делается вокруг них. Опыт дальнейшего показал, что приведенная в приговоре мотивировка была воспринята законодательными органами Советской власти полностью.

Третью категорию процессов составляют «случайные» процессы. К ним относится процесс о самоубийстве Ольденборгера, процесс об убийстве членов Ц. К. Финской Коммунистической партии, дело Косырева и дело трех следователей Московского Революционного Трибунала.

Дело о самоубийстве Ольденборгера ценно, как принципиальное выступление Советской власти (дело в особом порядке было изъято из нормальной подсудности и передано в Верховный Трибунал) в защиту тех самых «спецов», которых она жестоко покарала по процессу Главтопа. Инженер Ольденборгер погиб, не вынеся травли со стороны безответственных демагогов местной коммунистической ячейки.

Этим процессом Советская власть хотела показать, что она требует от коммунистов должного отношения к тем спецам, которые беззаветно работают на пользу Советской власти и об руку с последней. Процесс интересен и с чисто юридической стороны, поскольку квалификация обвинения была чрезвычайно трудна; при наличии же нашего теперешнего уголовного кодекса, пожалуй, даже невозможна. Суровый приговор—два года тюрьмы для ответственного партийного работника, каким являлся Седельников, показывает, что государственная власть не стеснялась с своими собственными работниками, когда они переходили грань дозволенного, какими бы хорошими мотивами они не руководились в своих поступках.

Дело об убийстве членов Ц. К. Финской Коммунистической партии передает одну из тяжелых драм финского рабочего движения, когда разбитые фаланги рабочей революции,

найдя приют в Советской России, в качестве метода разрешения партийных споров на ее территории пустили в ход револьверные пули. Процесс вскрыл особую психологию боевиков-террористов и картину их внутреннего разложения, и наряду с этим—использование фанатизма убийц опытным и старым интриганом Элоранта.

Наконец, последними помещены две речи—из процесса Косырева и трех следователей Московского Трибунала. Последняя попала в сборник, собственно, случайно и была включена, так как не сразу удалось найти в архивах дело Косырева. Она интересна только в одном смысле, как рисующая первые процессы в Московском Трибунале и тот главный материал, с которым приходилось приступать к работе в то время. Три следователя-взяточника, их клиенты—Вера Беридзе и ее муж, шантаж на почве посула содействовать освобождению арестованного мужа, отношение к такого рода «дельцам» со стороны Советской власти и в особенности судьба самого приговора (наказание было повышено ВЦИК с 6-ти месяцев тюрьмы, данных по приговору, до 10 лет по постановлению ВЦИК).—все характерно в этом процессе. Неустоявшаяся карательная политика молодого пролетарского суда (с шестью заседателями) и суровая и властная директива, данная ЦИК'ом, и самый факт в его бытовой простоте и отвратительности—все это рисует картину 1918 г. во всей полноте.

Между прочим, отметим, как особенность, укоренившуюся в нашей практике, право ВЦИК вмешиваться в судебное дело. Оно сохранено и до сих пор в советской судебной практике и находит полное принципиальное оправдание по нашим воззрениям. Верховный контролирующий орган, направляющий всю политику, в том числе и политику суда как одного из орудий власти и диктатуры, ВЦИК милует и казнит по своему усмотрению неограниченно. Мы видели эти примеры как удачные.—в деле финнов (отмена применения судом амнистии) или в деле следователей, и неудачные, как в парафинном деле; эти примеры наглядно демонстрируют связанность наших учреждений друг с другом и их единство.

что выгодно отличает нашу систему от фальшивой теории разделения властей, последняя на деле прикрывала только в лицемерной скрытой форме ту же диктатуру, только другого класса, правившего при царизме (дело Бейлиса).

— Дело Косырева интересно с двух сторон, и прежде всего по моменту своей постановки. Оно слушалось 15-го февраля 1919 года. По существу это был спор между судом и его функциями и внесудебными функциями ЧК. 17-го февраля 1918 года особым постановлением ВЦИК, спор, разделявший в то время партию и рабочие районы на два лагеря, был разрешен в пользу суда, и ЧК была лишена ее судебных прав (правда, ненадолго). Дело Косырева было отражением того же спора в судебном процессе. Обвинялся член контрольно-ревизионной комиссии ВЧК, имевшей целью борьбу с злоупотреблениями в недрах самой ВЧК, в частности с злоупотреблениями по содержанию под стражей и освобождению арестованных. И вдруг этот член ревизионной комиссии обвиняется сам в шантаже на почве освобождения Мещерского. Эти обстоятельства придали процессу исключительный интерес; в качестве свидетелей на суде фигурировали т. т. Дзержинский и Петерс, с одной стороны, и разоблачитель, содержащийся под стражей по другому делу быв. прис. пов. Якулов,—с другой.

Трудность дела особенно усугублялась тем обстоятельством, что по делу имелся только оговор Годелюка, сообщника Косырева. Обвинение было построено на косвенных уликах. Оба эти обстоятельства—и трудность дела и его злободневный характер—заставили обвинение, с одной стороны, резко отграничиться от возможных нареканий на использование уголовного процесса в целях политической борьбы, принципиально отделив ВЧК от Косырева, с другой—всю силу внимания обратить на уликовый анализ. Как своеобразный исторический памятник, процесс заслуживает внимания.

Н. Крыленко.

Москва, 5-го января 1923 г.